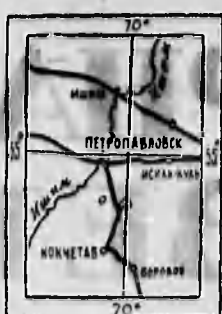

Целина. Лето. Год 1961

(ЛИРИЧЕСКИЙ РЕПОРТАЖ)

Станция Мамлютка

Темней и мельче становился
зеленый горизонт —
вагон «Москва — Караганда»
качнулся и остановился.
Я помнил маленький разезд,
его товарные составы.
Казалось,
скоро ржа разест
его чужинные суставы...
Здесь раньше старые дрова
сушились,
в землю оседал,
да важно прыгала дрова,
да багерина, приседала...
Здесь рельсов правильная грань
здесь за полями,
вдоль аллен,
незримо вытянута длань
пятдесят
платой
параллели...

...Ночные дворники.
Продмат —
витрина с грудою товара.
Сидят дворники вполуть
сгребают мусор с тротуара.
Как зомби разбитого фанаса,
движение, радостный галдеж —
идет с последнего сеанса
эволюционная молодежь.
Что сделаю,
о чем скажу
в движенье, в трепетном порыве?
Мне кажется, что я впервые
на этой станции схожу...

Разговор с целиной

Какая тишина над целиной!
Молчат дома,
безмолвствуют бараки.
Лишь беркут, проплывающий стороной,
терпится в вечернем полумраке.
— Ну, как ты поживаешь,
целина?
— Да так вот и живу
и поживаю —
придаю невестам наживаю
да женихов на свадьбу поджидаю.
А ты как поживаешь,
старина?
— Не жалуюсь —
работую, пишу,
все теми же заботами дышу.
Но ширь твою,
как прежде, вспоминаю
и вот, как видишь,
явно к тебе спешу...
— Пройди, поэт, по нашей стороне
и спой нам песню о новом озаренье
о новой покоренной целине,
теряющейся где-то в отдалении...
— Целина, — в ответ беру я слово, —
узнаю,
приветствую,
пою,
прославляю,
возглашаю снова
жизнь твою и молодость твою...
Я проинзан предрасветной дрожью,
и песок горит на языке,
снова я лечу по бездорожью
на отчаянном грузовике...

Начало уборки

Взмахнула крыльями
и небо распахнулось
просторами.
Прогретыми цилиндром
загорыха сонная земля.
И тянется сиреневый туман,
и гаснут голубые метели...

Как церемониальный барабан,
стучат незаглушенные моторы.
И вот во всю немереную ширь,
во весь размах пылающего лета
несметное количество машин
шагнуло разом
в сторону рассвета!

И я ему навстречу выхожу,
его труд, его величье,
я лесно в поднебесье выхожу,
и солнце поднимается
над степью...

...Коммунизм начинается здесь:
возникает в решеньях ЦК,
он приходит как добрая весть
в наши села и наши деки!
Он — в тяжелом движении шин,
в прямом зыбке сматого хлеба,
он — целинная ясная ширь,
он — целинное широкое небо.
Здесь упрямо уходит вперед
борозда без конца и без края,
здесь работает сильный народ —
повелитель Целинного края.

Поселок Смирново

Дорога уходит в Советский район.
Сопутствует людям доверье.
Летящей машине несется в обгон
деревья,
деревья...
Подпрыгивают и приседают кусты.
Березы,
березы,
а к солнцу повернутые листья
от пыли сиды и белесы.
Поселок потерян
в зеленой листве,
выюнами опутаны вязы.
С березами в самом высоком
родстве,
качают
русские вязы.
Я вырос в степи
неприкаянной,
злой,
где жадному солнцу не рады.
Я знаю, что значит
в отчаянный зной
зеленый кусочек прохлады.
О дождик целинный,
пролейся, капни!
Сопутствует людям удача —
ведь вырастить дерево
совсем не простая задача!

Свадьба в совхозе

Я сегодня в весеннем ударе —
пыль стоит телеграфным столбом!
Пятдесят человек за столом —
комсомольская свадьба в разгаре.
Как в столице, на празднике в парке,
на аллее в Больших Лужниках,
молодые целинные пары —
в новых галстуках и пиджаках.

То приближая к сердцу,
то снова удаляя,
мелодия разбрасывает
гармошка удаляя,
а девушка отплясывает,
в ладошки ударяя.
Ох, раз, еще раз
комсомольский переплес.
Перелесок, перелесок —
отдаленный переплесок...

Статная, размашистая
красная молодка,
на губах размазна
красная морозка.

Да здравствуют
свадьбы
целинные.
веселая радость в дому,
отвага и удаль былинные
и очи в горячем дыму!

Петропавловск

Как потускнели, потрепались
листки блокнота на ветру!
Я приезжаю поутру
в залитый солнцем
Петропавловск.
Я замечаю на окна
на месте прошлой сдвинутой
сухой сполохи огня,
холодный блеск электросварки.
В местах, где пряталась лиса,
где по утрам рыдали сойки,
сегодня высятся леса
и раздается грохот стройки.
Как выстрел сторожа в овсе,
как пожелание удаче,
уходит в сторону шоссе
столбы электрораздачи.
Пылит машина с кирпичом,
сверкает под каргачем
стальная полоса проката,
и машет красным кумачом
сухое зарево плаката...

Песня молодости

Целина —
это белая молния,
дух держания, дна покорения!
Целина, моя трудная молодость —
ясный свет моего поколения!
Ты света, ты чиста, ты бела,
опаленная легкой грозой.
Ты была для меня,
первым чувством
и первой слезой.
Засыпает моя сторона,
Засыпает моя целина...
Лишь машина стучит на Урале,
да звунит на Кавказе зурна,
да гудит лароход на причале,
да плут шельоны зерна...
Потому
я сегодня пою,
принимаю и благословляю,
удивляюсь и прославляю
каждодневную
доблесть твою.

Петропавловск, Целинный край

Свидание.

ПОЭТЫ — НА ЦЕЛИНЕ

В ману XXII съезду партии в гости и покорителя целины приехали...
Виктор Воков, Александр Говоров, Евгений Долматовский, Сергей Смирнов, Владимир Лифшиц, Владимир Туркин, Марк Максимов, Сергей Дороскин, членкор Андрей Турков, магнитогорцы Борис Ручьев, воронежцы Владимир Гордеевич и казахстанцы Габос Мухамбетов, Сибиряк Мауленов, Аманжол Шамкинов, Олмас Сулейменов и Александр Смирнов. В Целинном крае был проведен первый День поэзии.
С большим успехом прошли встречи поэтов с рабочими на целинградских предприятиях — заводах «Казахсельмаш», наосном, шайской фабрики, Горько встречали гостей в городе Горьком Рудном и в Павлодаре. Поэты побывали также в целинских школах Рассвета, «Воскреснем», в колхозе «18 лет Казахстана».

Всего было проведено около 40 литературных выступлений и вечеров советской поэзии.

ЦЕЛИНГРАД (Наш корр.) А. ТИТОВ

ПОСТУПАЕТ В МАГАЗИНЫ

В дни работы XXII съезда партии на полках книжных магазинов появится интересная книга — «Моя лунная сторона». Почти мажорский мостовский поэт представлен в этом сборнике одним стихотворением, которое автор отобрал для собрания, выходящего в издательстве «Современник».

И еще один поэтический сборник готовит Гослитиздат к съезду. Он называется «Стихи о Сибири». Это сборник стихов из стихов как старых русских поэтов, так и поэтов-современников.

Массовым тиражам выйдут в эти дни полные собрания сочинений известных писателей — лауреатов Ленинской премии: драматургов А. Прокофьева, «Белая гора» Ю. Скула, трагедии М. Стелмаша. «За далью — даль» А. Твардовского. С сразу же за журнальной публикацией Гослитиздат подготовил издание новой поэмы Э. Казакевича «Синяя тетрадь».

Подготовлен, а частично уже и издан ряд серьезных исследований, посвященных актуальным проблемам современного литературоведения и эстетике. Это сборники «Литература и современность», «Советская литература и эстетика», «В. Виноградов», «Пути развития литературных стилей», А. Егорова «Реалистическая сущность современной буржуазной эстетике», В. Шерин «Актуальные проблемы современного литературоведения» и другие.

Гослитиздат подготовил ряд художественно иллюстрированных изданий повестей, романов, рассказов, а также поэмы Э. Казакевича «Синяя тетрадь».

С рассказами о своих творческих планах и замыслах, с чтением отрывков из новых произведений выступили А. Барто, М. Вукобратов, А. Васильев, Г. Владимов, Н. Гребнев, В. Инбер, Л. Кассиль, В. Катаев, Е. Машков, М. Матусовский, Л. Ошанин, Р. Рождественский.

Стихи из цикла «Василий Теркин» по мотивам поэмы А. Твардовского в сценической композиции К. Воронова и «Онегин» А. Штейна исполнили артисты театров имени Моссвета и имени Вл. Маяковского.

НАЧАЛЕ СОБРАНИЯ КРАТКО, но прочувствованно речь провозгласил культорганизатор.

— Так дальше нельзя — сказал он и энергично раскрасил ладони воздухом. — Можем ли мы, работники культуры, честно смотреть в глаза отдыхающим? Не можем, дорогие товарищи. Почему? Да потому, что мы до сих пор не включились в соревнование, не приняли повышенных обязательств. Я кончил. Какие будут суждения? Ну, вот хотя бы вы, товарищ физрук...

— Лично я «за». Давайте включимся. И первым пунктом наших обязательств запишем: «В течение курортного сезона 1961 года не иметь ни одной жалобы от отдыхающих на культобслуживание и спортработу».

— Правильно. Только добавим: «К труду относиться как к радости и радости». Против «спортивности» никто не возражает? Против «радости»? Прилично, конечно. Переходим ко второму пункту. Слово библиотекарю.

— Предлагаю следующую формулировку: «Систематически повышать свою квалификацию и общий культурный уровень путем индивидуальной работы над собой, читать газеты, книги».

После долгих и жарких дебатов решили «принимать активное участие в общественной жизни коллектива дома отдыха».

Взглянув на часы, культорганизатор предложил «закрыться»: со стороны спортплощадки доносились нетерпеливые возгласы участников увлекательного аттракциона «бег в мешках». Четвертый и последний пункт был составлен в рекордно короткий срок. Секретарь едва успевал записывать:

— Быть дисциплинированными.

— Честным.

— Тактичным на работе и в быту.

— Быть примером для других.

Здесь ничего не придумано, кроме несуществующих, чисто внешних деталей, что, как известно, вполне согласуется с законами фельетонного жанра. Зато мы скрупулезно точны в главном: текст обязательств приведен целиком и дословно. Он сверен с оригиналом, который хранится в одной из сочинских дачиц — в доме отдыха «Чайка».

Давайте на минуту представим, как худо пришлось бы отдыхающим, если бы работники культуры не связали себя вышеперечисленными обязательствами. Их (отдыхающих), вероятно, толкали бы, оскорбляли на каждом шагу словами и действиями, останавливали грубыми окриками: «куда прешь!» и «осади назад!» Короче говоря, жить не стало бы курортникам от курортников. Иное дело теперь. Провинившегося деятеля культуры можно взять за руку, подвести к большому шуту и пристыдить соответствующей цитатой из им самим подписанного текста.

К сожалению, неизвестно, какие индивидуальные обязательства взял на себя каждый из семи подписавшихся. Так сказать, применительно к своему участку работы. А ведь именно здесь простиралось перед ними поистине неограниченное поле деятельности. Ванны, к примеру, мог бы разучить с отдыхающими внеплановый романс на курортную тему «Скучно, мне хочется забыть» или знаменитую арию «Ни сна, ни отдыха, немужественной душе», диалог двоих сократить интервалы между танцами путем ускорения перерывов, начавшихся с двух бортов в угол и «дуплет в среднюю», уборщица (ее подпись тоже стоит под коллективными обязательствами) могла бы провести ряд профилактических мероприятий, направленных против засорения вверенного ей объекта.

Вот какие мысли навеивает фанерный щит с аккуратно выведенными мажорной краской словами. И еще мы подумали о том, сколько таких пустоперечных, никого ни к чему не обязывающих обязательств принимается в иных учреждениях и организациях. Зачем? Что изменилось в доме отдыха «Чайка» после того, как был выставлен для

Ю. ДАШЕВСКИЙ

ФАНЕРНЫЕ ЗАПОВЕДИ

Всеобщего обозрения перечень элементарных служебных обязанностей и правил поведения каждого нормального человека? Зеленой оловянной бурнотусе одышающихся? Да нет же. Совсем не эти цели преследовали составители указанных заповедей. Точнее, они не преследовали никаких целей. Они просто отдали дань времени, которая, по их глубокому убеждению, с них причиталась. Никто теперь не сможет упрекнуть работников культуры в том, что они отстают от стремительного хода жизни, плетутся в хвосте событий. Одним словом, формальность соблюдения.

Ну, а по существу? По существу это профанация, оплошность, развращение в стране благородного движения за право называться ударником коммунистического труда: именно на это высокое звание претендуют авторы пресловутых обязательств.

Нередко встречаются «заповеди» много, так сказать, диаметрально противоположного характера. В том смысле, что их составители обязывают не себя, а других — посетителей, клиентов, просто прохожих. Требования в этих случаях становятся особенно жесткими и неумолимыми. Уже как-то приемышались, поднаедали стандартные таблички, призывающие не курить, не разгуливать по цветочным клумбам и плевать только в урны.

— Запретим-ка еще бегать по крышам и ломать ворота, а также ступени», — решили в городе Степанскере. И запретили. Строго-настрою, в письменной форме.

Что надо знать рядовому посетителю бани кроме того, что в парной не следует пользоваться мылом и что за неспаданные ценности администрация не отвечает? Оказывается, очень и очень многое. Перечень прав и обязанностей моющейся единицы изложен в восемнадцати пунктах и подпунктах. С полным их текстом можно ознакомиться в бане № 3 Бакинского горкома, как тогда, как свидетельствуют еще не старые времена, было раньше называлось, более поэтично: «Фантазия». Права посетителя этой бани крайне умеренны и урезаны. Им не только запрещено в процессе намыливания принимать пищу и распивать спиртные напитки, но и петь, кричать, играть на музыкальных инструментах. И даже (подумать только!) приносить в баню взрывчатые вещества! Что после этого заподозрит работников бывшей «Фантазии» в недостатке фантазии и творческой выдумки? Скольким рассеянным посетителям, прихватившим с собой вместо «семейного мыла» кусок динамита, сохранила жизнь банная администрация!

Заметим, кстати, что руководители бани № 3 обладают еще одним примечательным качеством фельетонных героев: упрямством, достойным лучшего применения. Еще год назад свод банных правил послужил темой для телепередачи, напечатанной в газете «Бакинский рабочий». И что же? Да ничего. Его просто перевесили на более видное место.

Об оскорбительной, унижающей человеческое достоинство мелочной регламентации и опеке написано очень много. Вероятно, не меньше, чем о розеях и тунелях. Но, как видишь, тема эта далеко не исчерпана. Кстати, замечу, что пороки такого рода словесного чертополоха особенно успешно приживаются и дают обильные бумажные всходы главным образом на скудной почве формализма и казенщины. Для их выкорчевывания нужны усилия не только фельетонистов и сатириков, Истребление «директивных» сорняков и «не обязательных обязательств» — обязанность нашей общественности. Увлекаться эту задачу на фанерном щите не обязательно.

ЛИТЕРАТУРА ГЕРОИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

(Омонимично. Начало на 1-й стр.)

возникшие. Надо было найти место в историческом процессе произведениям, вокруг которых и сейчас ведутся споры. И, наконец, едва ли не самое трудное, — отделить главное от второстепенного. Противоречивые (иногда по многим вопросам) отзывы о произведениях этой эпохи непременно будут выглядеть в ряде моментов как полемическое выступление. Именно такое впечатление оставляет статья Т. Трифонова. Основные линии литературного процесса намечены в ней верно. А вот эстетический анализ главнейших явлений, в которых этот процесс осуществлялся, не всегда достаточно глубок и доказателен. Конечно, степень приближения к исторической объективности была бы больше, если бы статья подверглась предельному обсуждению в широких кругах писателей, критиков, преподавателей.

После краткого вступления (о главных особенностях литературного развития первых лет нового периода) автор обещает перейти к «конкретному анализу произведений о войне, появившихся в первые послевоенные годы», но сразу же увязает в перечислениях, так называемых «обоймах» имен и произведений, а в анализе ограничивается двумя произведениями — «Молодой гвардией» и «Повестью о «аосталем человеке». Не мало ли для обобщений!

В статье дана в общем верная характеристика творческих исканий советских писателей в современной теме, совершенствования средств изображения положительного героя, углубления проникновения в его духовный мир. Жаль, однако, что автор, анализируя большой круг романов и повестей, не привлекает к этому разговору жанр рассказа. Да и вообще рассказу и рассказчикам явно не повезло. Только «Судьба человека» М. Шолохова удостоена во всем обзоре сравнительно конкретного разбора. Остальные рас-

сказы и рассказчики оценены (С. Антонов, Г. Троепольский) слишком суммарно либо просто упомянуты. Вызывает возражения и отдельные формулировки. Вряд ли хорошо сказать, что В. Кетлинская «создает картину советской жизни как бы «по горизонтали», а В. Кочетов «показывает нам рабочий класс «по вертикали».

Самое слабое в обзорной части тома — главы о поэзии, написанные А. Меньшутиним. Здесь весь разговор своден к перечислению тем и проблем отдельных поэтических произведений. Так, о Михаиле Луконине сказано, что он «поднимает в ряде стихотворений острейшие проблемы», что «боевая поэзия помогла Луконину быстрее овладеть новыми темами». Это, конечно, верно, но назвать это эстетическим анализом нельзя. А без эстетического анализа нельзя показать, что поэты — разные, и доказать, что именно те, о которых говорит историк, — хорошие... А без разговора о своеобразии индивидуальных поэтических голосов, о развитии поэтического языка, об основных тенденциях развития стиха писать историю поэзии — занятие и вообще бесплодное.

В статье, посвященной послевоенной советской литературе, убедительно показывается, что выступившие в середине 50-х годов зарубежные ревиноисты переплели идею буржуазных литературоведов, что их критика об отсутствии свободы творчества, о стеснении оковах социалистического реализма и прочий вздор опровергаются самой практикой развития советского искусства. «Разгорелась довольно острая борьба», — говорится в статье. — Как сказал Н. С. Хрущев на Третьем съезде писателей, «это была принципиальная идейная борьба против ревиноизмов, которые пытались сделать насками на линию партии». В статье подчеркнута выдающаяся роль партийного документа «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа» для преодоления ревиноистских взглядов и настроения, для сплочения литературных сил на принципиальной, идейной основе.

Большой интерес представляет «Хроника литературной жизни» тех семнадцати лет, которые освещены в третьем томе. Ни одна из предшествующих индивидуальных и коллективных попыток создать более или менее полную картину исторического развития советской литературы не была основана на таком богатом фактическом материале: причем многое здесь собрано в процессе самостоятельных кропотливых «раскопок», разысканий, исследований.

Конечно, в «Хронике» есть существенные недостатки. Будущий историк литературы строго отнесется к материалу, собранному в ней. Многие он справедливо припишет скрупулезности летописцев-современников. Но, рассматривая факты в более масштабной исторической перспективе, переосмысливая их, он с благодарностью отнесется к тем, кто взял на себя труд их собрания и первичного отбора.

Результатом такого же труда явились и обзоры зарубежных связей советской литературы 40—50-х годов, литературных журналов тех же лет, и в особенности короткий, но очень насыщенный материал обзор «Писатели во фронтовой печати».

Добрую половину третьего тома занимают монографические очерки о творчестве крупнейших советских писателей. По замыслу, каждый очерк — это вместе с тем и отражение в ней общих исторических процессов развития отечественной литературы, и рассказ о роли писателя в литературном процессе. Особенно удались характеристики творчества Леонида Леонова, Ильи Эренбурга, Валентина Катаева (авторы — В. Ковалев, Т. Трифонова, Л. Скоринин).

Не во всех монографических очерках замыслы составителей тома воплощены так же удачно.

Отчасти это объясняется тем, что ни один из писателей, удостоенных монографии в этом томе, «не укладывается» в рамки последнего суммативистического. Нельзя анализировать всего творчества Фадеева, Гладкова, Федина, Тихонова, Сельвинского, Суркова и даже самых «молодых» — Твардовского и Симонова подчинить задачам выяснения основ-

ных черт литературного процесса только военного и послевоенного времени. В некоторых случаях наличие того или другого монографического очерка именно в третьем томе не кажется обязательным. Думается, например, что очерк о Гладкове был бы уместнее в первом томе. Как автор «Цемента» и «Энергии» он сыграл в историко-литературном процессе роль куда более значительную, чем как автор «Клятвы». Ни на какие удачи достигнутых замечательных трилогий, можно, однако, сказать, что обстоятельный анализ ее именно в третьем томе менее важен для картины историко-литературного процесса 40—50-х годов, чем анализ «Цемента» для такой картины 20-х годов в первом томе.

Но дело не только в этих, так сказать, объективных причинах. Авторы некоторых очерков или не нашли подлинных связей творческой эволюции писателя с общим ходом развития литературы, или не сумели с достаточной силой раскрыть их. Так, названный выше обстоятельный очерк о творчестве Ф. Гладкова (автор — В. Брайнина) не очень «вписывается» в общую картину литературного процесса. Как было много сказано о том же «Цемента» и все же мало — о его месте и роли в истории советской литературы, об историческом значении образа Глеба Чумалова в эволюции положительного героя. Несомненно, ценность наблюдений над поэтическим языком Гладкова, но они не сопровождаются попыткой определить, что же внес он в развитие поэтического языка всей литературы, в чем состоит здесь роль писателя.

Целостное стремление задуман очерк творчества К. Федина. А. Меньшутин стремится показать роль Федина в развитии советского романа. Анализ проблематики романов он связывает с движением, развитием идей советской литературы. Характеристик таланта и мастерства Федина, эволюции разных сторон поэтики его он пытается (и в некоторых случаях успешно) связать с подъемом эстетического уровня всей советской поэзии.

Но и здесь нет должной последовательности. Некоторые произведения (роман «Братя», например) рассмотрены только с социологической стороны (судьбы интеллигенции, место художника в общественной жизни). Автор не коснулся психологических глубин романа, не отметил, что Федин художественно воссоздал здесь самую сложную психологическую структуру — душу художника, процесс формирования и воспитания таланта, всю сложную диалектику творческого процесса.

А ведь и в этом отношении романы К. Федина — очень значительная страница в развитии литературы как «человековедения».

Убедительно раскрыто своеобразие творчества Леонова. В. Ковалев сумел за видимой противоречивостью его неустанных поисков «стиля, отвечающего теме», «за резкими стилевыми различиями леоновского творчества» разглядеть и показать в движении «современной определенную художественную систему».

В заключение автор очерка справедливо отмечает, что «своеобразие творчества Леонова неотрывно от его связи с русской классической литературой». Как было бы хорошо показать такую же «неотрывность» от советской литературы А это особенно важно, прямо-таки необходимо.

В ГЛАВЕ о творчестве Твардовского раскрыты общие особенности его поэмы и показано своеобразие каждой из них. Анализируя приемы изображения характеров, Л. Шешова справедливо говорит, что Твардовского интересуют в первую очередь «не частные судьбы людей, а их движение по дорогам истории». Еще не так давно в нашей критике не всегда правильно понимали единство общего и индивидуального в искусстве. В анализе поэмы Твардовского удачно показано, как через индивидуальные судьбы героев поэт раскрывает закономерности нашего исторического развития.

Интересны здесь суждения об общих чертах, символических и бытовых образах, об особенностях речи героев и автора, о многообразии языка красок, о новаторстве Твардовского.

Нет возможности рассмотреть все шестнадцать монографических очерков третьего тома, но нельзя пройти мимо еще одного из них — очерка, посвященного творчеству М. Пришвина. Написан он с высокой культурой, автору его удалось глубоко проникнуть в сущность творческой манеры этого исключительно своеобразного писателя. Поэтика Пришвина, лиризм его прозы, материал и структура пришишского образа, устойчивые черты творческой манеры — вот некоторые элементы эстетической «атмосферы» очерка о писателе, реализм которого, по его собственному определению, состоял в «видении души человека в образах природы». Очерк Г. Трифонова о Пришвине можно было бы считать образцовым, если бы убедительно показана эволюция мировоззрения и творчества писателя была рассмотрена и как процесс (медленный, но такой естествен-

Эти дни особенно волнующи и напряжены для коллектива Московского Художественного театра. В честь XXII съезда КПСС театр выпускает сейчас одну за другой три новые постановки. И все — на современные темы. И все — посвященные самым насущным, самым острым проблемам сегодняшнего дня. И все, будь это «Цветы живые» Н. Погодина, «Над Днепром» А. Корнеева или «Хозяин» И. Соболева, призваны «во весь голос» рассказать об упорной борьбе нового — коммунистического, которое и драматургия, и театр хотят показать во весь рост, во всей его яркости и обаянии, и старое — собственнического, эгоистического.

Знаменательно, что рядом с произведениями таких известных драматургов, как Н. Погодин и А. Корнеев, которые связаны с МХАТом многолетней творческой дружбой, театр предлагает вниманию зрителей пьесу начинающего драматурга И. Соболева, рассказывающую о сложных и увлекательных процессах, происходящих на целине.

Пьеса «Цветы живые» поставлена В. Станицыным, режиссер спектакля А. Карев и И. Тарханов; «Над Днепром» — М. Кедровым в творческом сотрудничестве с С. Ближниковым и И. Равенским; над постановкой «Хозяин» работают Б. Ливанов, П. Марков и В. Марков.

Сверху вниз: сцена из спектакля «Цветы живые», сцена из спектакля «Над Днепром», на репетиции пьесы «Хозяин», премьера которой состоится в день открытия XXII съезда КПСС.

Три премьеры МХАТа

КНИЖИЦА ВЫПАЛА ИЗ КОНВЕРТА, ГДЕ ЕЙ БЫЛО ОЧЕНЬ ПРОСТОРОНО. ОГНИВО ВЫСЕКАЕТ ОГОНЬ

Я прочитал ее, перечитал, вложил на ладони — она легко там поместилась. Ста граммов в книжнице не было. Умножение на двухтысячный тираж и вычитание всяких обязательных, испорченных и затерявшихся экземпляров дало десять пудов бумаги — один точок средней величины.

Вот и весь расход материала на полный тираж «Огнива» — первой и единственной покуда книги стихов Барлама Тихоновича Шаламова, итожащей более чем тридцатилетние труды талантливого поэта.

В продаже я — неутомимый путешественник по книжным магазинам — эту книгу не выдал. Отзывов о ней — она вышла в свет полгода назад — не читывал. Как тут не подумать: а не затерялся ли точок в арктической необозримости книготорговых складов?

Жаль было бы. Хорошая книга «Огниво».

А даже если все 2000 экземпляров дошли до читателя? В какой пропор-

ции состоят эти две тысячи с миллионными потребителями поэзии?

Вот почему отпущенные мне столбцы я израсходую не на рассуждение об «Огниве». Что рассуждать о текстах, почти неизвестных даже стихотворцам! Я лучше покажу искры, которые выскочат «Огниво» из напавшей и свал русского Севера — ему посвящена вся книга.

Приведу полностью стихотворение «Память».

Если бы видел умело
Топором или пилой
Остатки в мышцах тела
Память радости былой.
То, что некогда зубрила
Осторожная русь,
Уверженная збукво
Под ударом молотка.
Вновь почти без напряжения
Обретает каждый раз
Равновесие движения
Без расхождений глаз.
Это умное умение
Эти навыки труда
В нашем теле, без сомнений,
Затаялись навсегда.
Сколько в жизни нашей смыт
Мощною рекой времен

ре и литературной критики. В обзорных статьях тома, в монографических главах литературоведению и критике уделено обидно мало внимания. Когда же, наконец, будет признано на деле, что критика — неотъемлемая часть литературного процесса, что без нее не развития?

Безразличие к критике и успехам литературоведения отрицательно сказалось на решении в «Истории русской советской литературы» некоторых коренных проблем, и, в частности, вопросу о единстве многонациональной советской литературы. «Усиливается идея единства наций и народностей, сближение их культур», — говорится в проекте Программы КПСС. Развивается общая для всех советских наций интернациональная культура. Культурная сокровищница каждой нации все больше обогащается творениями, приобретающими интернациональный характер.

Не ясно ли, что любая попытка рассматривать любую из национальных литератур изолированно от других литератур — это не только неправомерно, но и логически абсурдно? Тем более нельзя рассуждать в таком отрыве русскую литературу. Самая могучая в великой семье братских литератур, она является центром всего единства. В ней берут начало многие общие для всех литератур процессы. Без учета этой общности многое в самой русской литературе выглядело бы непонятным, одиноким и обделенным. Между тем в рецензируемом издании изоляция русской литературы от других братских литератур возведена в принцип.

Да, в третьем томе «Истории русской советской литературы» немало недостатков. Они особенно ясно видны теперь, когда вся страна готовится к XXII съезду КПСС, когда идет обсуждение исторических документов — проектов новой Программы и нового Устава партии, когда вся духовная жизнь нашей страны поднимается на новую, высшую ступень и мы с новыми, повышенными требованиями подходим к тому, что мы уже сделали и делаем. И все же этот том заслуживает внимания общественности как первая попытка дать столь обширную и детальную картину развития советской литературы в течение почти двух десятилетий. Можно надеяться, что во втором издании этого труда авторы, прислушавшись к голосу критики, постараются избежать тех недостатков и ошибок, которые есть в этой книге, и создадут еще более яркую и всестороннюю картину развития литературы наших героических дней.

Вот как сказано о картографии: «Географическое сеткой Меридианов и широт».

Утро, рассвет заставили Шаламова сказать:

Я вывернул хочу часы
По рою, по реке, по долине
Тяжелой рудной росы
На листьях бересклета.
Словно, будто бы, в долине
По яростному свисту
Отбитой запятой косы
В основе серебряной.
Продолжения в тумане,
По клонящимся веткам
В тлеющей горюшке.

Отвечая людям, обвинявшим Витора Гого: «И не сумел ты, дескать, вырасти, состарившись дитя», — Шаламов говорит:

Пуст так. В волнующем поведении
Ты — символ доброго всегда.
Твой крупный детский почерк гения
Мы разбираем без труда.
И заключение — звуки, которые
Не могли слышать ни Тютчев, ни Баратынский — учителя Шаламова:

Глубокие порезы
На пловчих корнях.
Ручей, как лист железа,
Прохочет на минах.
С горы, с крутого грёба
Гремит вода ключа.
Кипит будто бы по шее
Желтое молоко.
По русу-транспортеру.
Сверкая сквозь кусты.
Торжествует под дугой
Желтые листья.
Кипит будто бы с вершины
Пронзительный лед небес
Образами с машины
Заваливает лес.

Я заканчиваю эту статью рождественным заголовком: «Три премьеры МХАТа».

Требуются А когда в магазинах и библиотеках вам отдают отказом — требуйте у издательства дознания этой и многих других недознанных книг.

Борис СЛУЦКИЙ

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»
Выражаю глубокую благодарность всем организациям, учреждениям, друзьям-писателям, дорогим читателям, поздравившим меня в день моего шестидесятилетия.

Семен СКЛЯРЕНКО

ВЗЛЕТНАЯ ПЛОЩАДКА МОЛОДЫХ

Достоин сожаления писатель или художник, который своей отраслью может называть лишь профессиональное творчество. И счастливы те, кто освоил законы художественного творчества и в то же время чувствует себя хозяином еще в какой-либо области общественной деятельности. Именно оттуда и берет свое начало главная тема художника.

В проекте новой Программы нашей партии на первый план выдвигается задача построения материально-технической базы коммунизма. Во весь рост перед партией, народом стоят сегодня задачи сельского хозяйства. Отсюда внимание общественности к этой теме в писательском творчестве. И наши взоры прежде всего, естественно, обращены к молодому поколению прозаиков, поэтов, драматургов. Они — именно они — не знали другой действительности, кроме нашей, советской, им наряду с писателями старшего поколения предстоит рассказать о современности, поднять глубокие пласты народной жизни.

Я думаю о создании в литературе интересного, яркого образа труженика социалистических полей и спрашиваю себя: кто из нас, писателей Советской Латвии, в достаточной степени подготовлен для решения этой задачи? Скажу откровенно, мне трудно сейчас ответить на этот вопрос. Одни хорошо знают старую деревню, но возраст мешает им по-настоящему узнать новую. Кто же касается того поколения, для которого двадцатые и тридцатые годы нашего столетия — уже история, то их творческий путь пока складывается из следующих этапов: общеобразовательная школа, филологический или другой факультет университета, профессиональная деятельность литератора — вот и все. Мы часто об этом говорим, но тем не менее мне хочется еще раз напомнить, что для успешной работы на главных направлениях художественного творчества такой «тепличный» путь малоуспешен.

В последние годы, правда, в литературу пришли люди, имеющие за плечами серьезный жизненный опыт, и все-таки их еще очень мало.

Мне кажется, что неправильно поступают наши творческие союзы и редакции печатных изданий, которые, стремясь поскорее вывести «служителя муз» в творческую жизнь, хлопочут о том, чтобы он сразу, окончив университет, остался в какой-нибудь редакции республиканской газеты или журнала. Не надо подражать тем недальновидным родителям, которые всеми силами и средствами стараются подольше не выпускать своих детей из-под родительского крылышка. В теплице не вырастишь могучего дуба!

НАЗВАНИЕ этого фильма заинтриговывает: «Человек нигде» — это звучит необычно, даже загадочно. И хочется поскорее узнать: что там за фильм, заглавием, что там за актер, на экране которого этот «человек нигде»?

Итак, молодой антрополог Поражаев увлечен тайной так называемого «снежного человека». Он верит, что следы, замеченные им в горах, принадлежат людям неведомого племени «Тапи». Со всем пылом и энтузиазмом верящего в свое открытие ученого, помощниками на горячность и необдуманность молодости, Поражаев требует от начальнической экспедиции продолжения поисков, хотя экспедиция уже завершила свою работу. А тот, как и положено бюрократу и перестраховщику, во имя собственного покоя безжалостно гасит мечту Поражаева. Затем...

Впрочем, не слишком ли обстоятельно, с какими-то лишними подробностями, с которыми не хочется комедия? В конце концов это не более как прикраска, а сказка, то есть сама комедия, начинается лишь после того, как промешивают вступительные кадры, и мы вступаем в мир чудесного и фантастического. В пылу спора с начальником экспедиции Поражаев отступает и идет в пропасть, кудрями катится по бесконечному горному склону. И тут, у подножия скалы, фантастическим образом «осуществляется» заветная мечта ученого: он попадает в плен к... «Тапи». А затем благодаря своему мужеству и находчивости, спасшись от угрожавшей ему расправы, Поражаев, приняв за собой одного из «Тапи», которого, так же как и самому, грозил смерть, отправляет в Москву. Тут-то и начинается развлекательная вереница необычайных приключений — видения Поражаева. «Человек нигде» сталкивается с неизвестными и непонятными ему жителями. В этих столкновениях и заключена, по мысли создателя фильма, его комедийно-сатирическая «соль».

ЗАЧЕМ ОН К НАМ ПРИХОДИЛ?

Зритель ясно видит, что все происходит с момента падения Поражаева в пропасть — это лишь порождение фантазии человека, огульного подлинного, видение, постижение некоего антагонизма «человека нигде» и «человека нигде». Что же, основываясь на фантастическом сдвиге ни в какой мере не противопоказаны кинокомедии. Напротив, они могут обогатить фильм, сделать его особенно увлекательным, острым. Но успех, в конечном счете, всегда зависит все же от того, во имя чего и как именно применяются все эти приемы.

В фильме есть одна подробность, на которую, быть может, не каждый зритель обратит внимание. И тем не менее она несколько наталкивает на совершенно определенное сопоставление.

«Тапи» в своих странствиях по Москве подходит к «Театру трагикомедии». Обескураженные пережитыми бурными приключениями, они спускаются к театру, а над ним афиша спектакля Театра сатиры «Клоп», изображающая Присыпкин. Итак, Присыпкин и «Тапи», мещанин, из настоящего попавший в общество будущего, и «человек нигде», попавший из первозданной первобытности в наше сегодня.

Как известно, автор феерической комедии «Клоп» перебрался

Улита, который помог многим начинающим писателям, в том числе и автору этих строк, встать на правильный творческий путь. Такая помощь очень важна, но если начинающий литератор станет уповать только на нее, забудет о самостоятельных поисках, то проку от этого будет мало.

Может быть, то, что я сейчас скажу, слишком примитивно, но я отнюдь не начинающий писатель, а от писателя по одному признаку. Если человек, считающий себя писателем, может прожить день, не прикасаясь к перу, — он самозванец, а не художник.

Так я понимаю наше писательское дело. Для главного в жизни автора должно быть. Мы его находили и тогда, когда в буржуазной Латвии боевые, а то и десять часов в день вынуждены были тяжелейшим физическим трудом обеспечивать свое существование.

В этом съездском году особенно хочется, чтобы наши творческие возможности раскрылись в полную силу. Каждая неудача сейчас огорчает больше обычного. Комиссия по государственным премиям Латвийской ССР в этом году не нашла возможным присудить ни одной премии произведениям литературы и искусства 1960 года. Конечно, причина тут в очень высоких и разумных требованиях, предъявляемых ныне к литературе и искусству.

Велика честь быть советским писателем. Он призван отобразить историю, подвиг героического советского народа — строителя и творца нового мира, он призван стать непосредственным участником неповторимого подвига. И это возлагает на него огромную ответственность перед народом и историей. Радостно и вдохновенно будет трудиться весь советский народ, осуществив величайшее предначертание своей мучимой партии. Писатель и плечу с народом, отдавая ему свои творческие силы, всю свою памятную страсть художника, идет советский писатель. Коммунизм будет построен в намеченные партийные сроки, — мы в этом уверены, ибо знаем создательные силы своего народа и его возможности. Мы, советские писатели, — верные помощники партии в ее борьбе за превращение Мечты в живую действительность.

РИТА

ИЗ СЕРИИ
«ЗА КОМУНИЗМ,
ЗА МИР»
художника
Н. А. Долгорукова

Ленин с нами,
бессмертен и величав,
по всей вселенной
ширится шествие —
мыслей,
слов
и дел Ильича.

В. МАЙКОВСКИЙ

— Мы еще сорок три года назад
говорили, что большевики не удержи-
тся на земле...

Африканский вулкан действует...

ТАК ОНО И БУДЕТ

В СЕ это сказки. — сказала одна моя приятельница, прочитав проект Программы Коммунистической партии Советского Союза. А — жена безработного. Сейчас в Австралии насчитывается более 100 тысяч безработных. Этой женщине кажется невероятным, что еще при ее жизни на свете будет страна, где рабочим не придется платить квартирный плат, где бесплатным будет общественный транспорт, а также газ, электричество, отопление, медицинское обслуживание и образование, где трудящиеся будут получать по месту работы бесплатное питание, где рабочий день сократится, зарплата возрастет, а цены на товары будут снижаться в соответствии с потребностями народа.

Согласившись с тем, что Программа похожа на волшебную сказку, я напомнила ей, что программа Революции в России тоже напоминала сказку, когда мы впервые услышали о ней. Помню, я познакомилась в Париже с двумя русскими политэмигрантами, которые поделились со мной планами свержения царизма. Шел 1908 год. Не только я, но и все, кого я знала, считали в ту пору царское самодержавие неприступной твердыней, слишком могущественной для того, чтобы ее можно было когда-либо низвергнуть. Мне было жалко этих моих русских друзей, жертвавших своей жизнью ради столь несбыточных мечтаний. Я была в те годы такой юной и глупой! А ведь эта мечта сбылась.

Осуществилось то, что казалось невозможным.

Коммунистическая партия большевиков объявила о своих планах построения Советского социалистического государства, ставших осуществимыми благодаря победе революции, благодаря исполненной невиданного героизма борьбе рабочих, крестьян и красноармейцев под руководством Ленина и Центрального Комитета Коммунистической партии.

Народного хозяйства, призванный превратить Союз Советских Социалистических Республик в одно из самых могущественных государств в мире.

Опыт было достигнуто, казалось бы, невозможное.

Когда в 1933 году я побывала в Советском Союзе, я воочию убедилась в том, что эти первые планы успешно превратились в жизнь. Я собственными глазами увидела громадные промышленные предприятия, сооруженные вопреки проклятиям вражеской авиации, завода, которые проявляли к народному здравоохранению и образованию.

То, что перемена в образе жизни так скоро привела к переменам в сознании людей, было для меня настоящим откровением. Как я убедилась, мужчины и женщины, живущие в условиях социалистического общества, обрели чувство «общественного долга», неизвестное в капиталистических странах. Это чувство общественного долга побуждало советских граждан подчинять личные интересы всеобщему благу и потребности своего социалистического государства.

Факт остается фактом: программы, которые Коммунистическая партия выдвигала перед советским народом, каждый раз в точности выполнялись. Сама партия трудилась не покладая рук, осуществляла руководство каждым деревенским начинанием.

Проект новой Программы КПСС выдвигает научно обоснованный план построения коммунизма.

Разве можно сомневаться в том, что этот план будет выполнен?

У нас в Австралии многие из тех, кто в прошлом критически относился к советским «честолюбивым замыслам», теперь признают, что эта Программа будущего великопленна по замыслу и может оказать глубокое влияние на движение за мир во всем мире.

Некоторые мажорные реакционеры твердят: «Все это обман», а сами в то же время ратуют за колоссальные бюджетные ассигнования на военные нужды у себя на родине, сокращают расходы на нужды здравоохранения и образования, допускают, чтобы широкие слои населения страдали от безработицы. Эти люди, сами являющиеся мастерами по части обмана, не в состоянии понять, что коммунистам нет надобности вводить в заблуждение народ ложными обещаниями для того, чтобы заручиться общественной поддержкой. Трудовой народ и все те, кто заинтере-

сован в успехе дела разоружения и улучшения мира, оценят истинное значение этого исторического документа.

Один старый рабочий, которого я попросила поделиться своим мнением о проекте Программы КПСС, сказал:

«Не было случая, чтобы большевики размахивали не по силам. Они все время обставляли политиков западных стран. Раз уж они берутся за какое-нибудь дело, то, значит, они с ним справятся — это уж будьте покойны! Создали же они атомное оружие, чтобы янки больше не помышляли всем миром, размахивая своими бомбами. А разве не они запустили спутники, осматривали Луну и построили рабоб, на котором человек может слетать в космос и вернуться домой целым и невредимым? По-моему, если большевики говорят, что эта программа будет осуществлена, то, значит, так оно и будет».

Цели, поставленные проектом Программы КПСС, сформулированы с предельной четкостью: построить коммунистическое общество, которое послужит примером для всего мира; совместно с другими миролюбивыми народами стремиться изжить человечество от губительной мировой войны и выступить против войны как средства разрешения международных споров; отстаивать необходимость сотрудничества — дружественного сотрудничества государств с различным общественным строем — в интересах разоружения и переговоров по нерешенным международным вопросам.

Я убеждена в том, что все намеченное проектом Программы будет осуществлено и в конечном итоге будет выполнена важнейшая задача — обеспечение прочного мира для всего человечества.

Катерина Сусанна ПРИЧАРД
ТРИНАУНТ
ЗАПАДНАЯ АВСТРАЛИЯ

СЛОВО ЗАРУБЕЖНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

МЫ УВИДЕЛИ ЗАРЮ НОВОГО

АНАТОЛЬ Франс, прекрасный писатель и человек светлого ума, к концу своей жизни стал коммунистом. Более пятидесяти лет назад он пытался описать будущее коммунистическое общество. В прелестной маленькой книге «На белом камне» он нарисовал воображаемую картину будущего и за тридцать лет до русской революции изобразил общество, многие черты которого создаются ныне в Советском Союзе.

Но хотя творческая фантазия писателя соединилась у Франса с философским предвидением, писатель, конечно, не мог избежать ошибок. Анатолю Франсу в 1904 году трудно было предугадать стремительность общественного прогресса, и осуществление первого коммунистического общества представлялось ему возможным лишь около 2270 года. Писатель не мог предвидеть, что социализм будет построен советским народом за три столетия раньше этого срока и что нашему поколению повезло дожить до коммунизма.

У Франса были высокие представления о возможностях, открывающихся перед человеком в бесклассовом обществе, но он, например, не мог себе представить, чтобы люди могли летать в космос в качестве любознательных туристов.

Прошло более 36 лет со дня смерти Франса, а Гагарин и Титов совершили полеты в космос, и теперь уже никто не сомневается, что люди вскоре совершат высадку на Луну. Никто не сомневается и в том, что первыми людьми, которые достигнут звезд, будут коммунисты.

Люди на Западе смотрят в будущее не без горечи. Буржуазные писатели, которые делают попытки представить себе грядущее общество, содержат от ужаса. А если они, подобно Олдосу Хаксли, рассматривают капитализм как неизбежную и непреодолимую систему, их пророчества становятся зловещими. Постоянный страх — естественное состояние души того, кто связан с капитализмом. Чего можно ждать от будущего в буржуазном обществе, лишенном будущего?

Заключительный период истории капитализма трагичен. Его упадок и разложение лишены всякого достоинства. Его агония безобразна. Мы свидетели этого заката капитализма.

«Право, я живу в мрачные времена», — писал Бертольд Брехт в своем грустном стихотворении «К потомкам»:

Что же это за времена, когда
Разговор о деревьях кажется
Ибо в нем заключено молчанье
о зверствах!
...В городах приходил я в гину смуты,
Над городом царил голод.
К людям приходил я в гину
возмущений.
И я вставал вместе с ними,
Так приходили мои годы,
Данные мне на земле.

Мы росли в мрачное время. Когда мы были детьми, взрослые говорили нам, что война — это стихийная сила, такая же неотвратимая, как землетрясение, ураганы и бури. Мы воспитывались в условиях капиталистической анархии. Наша наука состояла в искажении понятий. Мы были воспитаны в лицемерии, и мораль, которую нам

навязывали, была двойная, растяжимая мораль.

Мы жили во время войны и узнали, что такое безумие войны. Мы испытали ужасы безработицы. Мы видели фашистское бешенство. Проституирование науки и смещение искусства были неотъемлемыми чертами нашего времени. Талант был товаром, продававшимся на рынке. Убеждения и мнения были предметом купли-продажи.

Мы жили в условиях классового неравенства. Нам приходилось быть подозрительными и изворотливыми. Мы боялись во имя мира. Мы были недобры по отношению к тем, кто был лучше нас. Мы были жадны, потому что мир стал дороже. Наша жизнь была гораздо более беспокойной, чем нам того хотелось. У нас была цель, но она была далека. Представление о бесклассовом обществе было абстрактной идеей. Социализм был теорией, коммунизм — мечтой.

Каждый писатель привносил свои надежды и мечты в картину будущего общества. Его идеалы, желания и нравственные воззрения диктовали ему картину будущего. Философское государство Платона. Счастливая Утопия Мора. Царство науки — Новая Атлантида Франсиса Бекона. Завоевательный Париж 2440 года Себастьяна Мерсе. Аскетическая Икария Этьенна Кабе, в которой запрещены обаятельные статуи и курение. Морская колония «Нютакда» в новоготическом стиле Уильяма Морриса. Механизированная современная Утопия Герберта Уэллса. Расчисленное яйцекадущее Мафусаилово общество Бернарда Шоу 31920 года...

На смену добрым пророкам явились буржуазные пессимисты нашей эпохи, которые, напоминая Олдоса Хаксли и Майкла Арлена, проецируют страх и отчаяние своей эпохи в ни в чем не повинное будущее.

Страх нашего времени — это страх буржуазного класса. Из этого страха и усталости возникло целое литературное направление. В изобразительном искусстве возникла мода на протест против жизни и действительности. На ненависть к разуму и отращивание и разврате созданы философские теории. И тактики нравы в западном мире, что страх и отчаяние приобретают розничную цену.

Мы, в самом деле, жили в мрачное время. Мы, появившиеся на свет перед первой мировой войной, явились в мир анархии. Но петь ланиху обществу и проклинать дату своего рождения — это самое бессильное из всех занятий. Каждый, кто хоть немного способствовал скорейшей гибели капитализма, прожил свою жизнь не напрасно.

Наше поколение было свидетелем не только гибели старого мира, но и зарождения нового. Русская революция была рождением нового человечества. Рождением человечества для нового достоинства.

Только теперь, наконец, человек стал другим человеком. Нам повезло: увидели начало этих перемен. То, что было теорией, стало в наши дни осязаемой практикой. То, что могло быть предсказано в принципиальных, но абстрактных чертах, существует ныне как зримая действительность. Социализм можно наблюдать и сравнивать с прежними общественными системами. Поэтому народы смогут не прибегая к оружию и насилию, выбрать лучшую систему. Уверенность в свете социалистического мира сделала идею о мирном соревновании между различными системами больше чем простой надеждой.

ХАНС ШЕРФИГ — датский писатель. В годы мировой войны участвовал в борьбе против фашизма. Советскому читателю известен также талантливым прозаиком, драматургом, сценаристом, режиссером. В последние годы Шерфиг — публицист, редактор, идеолог мира и демократии.

Нам повезло: увидели начало этих перемен. То, что было теорией, стало в наши дни осязаемой практикой. То, что могло быть предсказано в принципиальных, но абстрактных чертах, существует ныне как зримая действительность. Социализм можно наблюдать и сравнивать с прежними общественными системами. Поэтому народы смогут не прибегая к оружию и насилию, выбрать лучшую систему. Уверенность в свете социалистического мира сделала идею о мирном соревновании между различными системами больше чем простой надеждой.

Людей нашего поколения особенно поражает ускорение темпов прогресса. Все возрастающая стремительность движения вперед. То, на что по привычке мы считали невозможным, бы человеческая жизнь, осуществляется теперь в течение года. То, на что по старым представлениям понадобилось бы целое столетие, осуществляется за десятилетия.

Призраком, который бродит по Европе сто лет назад, — призраком коммунизма, — оказался не просто призраком. Пророчество сбылось. Мы свидетели весны человечества.

Доброта невозможна без солидарности. Счастье должно быть обязательно разделено с другими: радоваться мож-

но только совместно с другими людьми; в одиночку быть счастливым нельзя. Угрюмый индивидуалист старых времен, который только и думает, что о своем страхе перед жизнью и о неповторимых особенностях собственной личности, — это одинокое животное, существующее вне человеческой общности, зоологический раппорт и пережиток...

Коммунистическая партия Советского Союза торжественно обещает, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме.

Завидовать молодежи нелепо. Желать вернуть собственную молодость бессмысленно и глупо. Мы, прожившие на Западе жизнь в мрачную эпоху, должны быть счастливы тем, что нам довелось увидеть зарю нового.

Ханс ШЕРФИГ
КОПЕНГАГЕН

се. О точном расчете, где никто не фантазирует о том, что будет через тысячу лет, а где изложены факты, касающиеся ближайшего будущего. Там расписаны десятилетия. Мои сверстники, люди уже не молодые, подписывают по пальцам: доживем ли? Весьма возможно. Чтобы увидеть все это, нам отсюда не придется, уподобившись Моисею, жить до 120 лет.

Призраком, который бродит по Европе сто лет назад, — призраком коммунизма, — оказался не просто призраком. Пророчество сбылось. Мы свидетели весны человечества.

Доброта невозможна без солидарности. Счастье должно быть обязательно разделено с другими: радоваться мож-

но только совместно с другими людьми; в одиночку быть счастливым нельзя. Угрюмый индивидуалист старых времен, который только и думает, что о своем страхе перед жизнью и о неповторимых особенностях собственной личности, — это одинокое животное, существующее вне человеческой общности, зоологический раппорт и пережиток...

Коммунистическая партия Советского Союза торжественно обещает, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме.

Завидовать молодежи нелепо. Желать вернуть собственную молодость бессмысленно и глупо. Мы, прожившие на Западе жизнь в мрачную эпоху, должны быть счастливы тем, что нам довелось увидеть зарю нового.

Ханс ШЕРФИГ
КОПЕНГАГЕН

се. О точном расчете, где никто не фантазирует о том, что будет через тысячу лет, а где изложены факты, касающиеся ближайшего будущего. Там расписаны десятилетия. Мои сверстники, люди уже не молодые, подписывают по пальцам: доживем ли? Весьма возможно. Чтобы увидеть все это, нам отсюда не придется, уподобившись Моисею, жить до 120 лет.

Призраком, который бродит по Европе сто лет назад, — призраком коммунизма, — оказался не просто призраком. Пророчество сбылось. Мы свидетели весны человечества.

Доброта невозможна без солидарности. Счастье должно быть обязательно разделено с другими: радоваться мож-

но только совместно с другими людьми; в одиночку быть счастливым нельзя. Угрюмый индивидуалист старых времен, который только и думает, что о своем страхе перед жизнью и о неповторимых особенностях собственной личности, — это одинокое животное, существующее вне человеческой общности, зоологический раппорт и пережиток...

Коммунистическая партия Советского Союза торжественно обещает, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме.

Завидовать молодежи нелепо. Желать вернуть собственную молодость бессмысленно и глупо. Мы, прожившие на Западе жизнь в мрачную эпоху, должны быть счастливы тем, что нам довелось увидеть зарю нового.

Ханс ШЕРФИГ
КОПЕНГАГЕН

се. О точном расчете, где никто не фантазирует о том, что будет через тысячу лет, а где изложены факты, касающиеся ближайшего будущего. Там расписаны десятилетия. Мои сверстники, люди уже не молодые, подписывают по пальцам: доживем ли? Весьма возможно. Чтобы увидеть все это, нам отсюда не придется, уподобившись Моисею, жить до 120 лет.

Призраком, который бродит по Европе сто лет назад, — призраком коммунизма, — оказался не просто призраком. Пророчество сбылось. Мы свидетели весны человечества.

Доброта невозможна без солидарности. Счастье должно быть обязательно разделено с другими: радоваться мож-

но только совместно с другими людьми; в одиночку быть счастливым нельзя. Угрюмый индивидуалист старых времен, который только и думает, что о своем страхе перед жизнью и о неповторимых особенностях собственной личности, — это одинокое животное, существующее вне человеческой общности, зоологический раппорт и пережиток...

Коммунистическая партия Советского Союза торжественно обещает, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме.

Завидовать молодежи нелепо. Желать вернуть собственную молодость бессмысленно и глупо. Мы, прожившие на Западе жизнь в мрачную эпоху, должны быть счастливы тем, что нам довелось увидеть зарю нового.

Ханс ШЕРФИГ
КОПЕНГАГЕН

се. О точном расчете, где никто не фантазирует о том, что будет через тысячу лет, а где изложены факты, касающиеся ближайшего будущего. Там расписаны десятилетия. Мои сверстники, люди уже не молодые, подписывают по пальцам: доживем ли? Весьма возможно. Чтобы увидеть все это, нам отсюда не придется, уподобившись Моисею, жить до 120 лет.

Призраком, который бродит по Европе сто лет назад, — призраком коммунизма, — оказался не просто призраком. Пророчество сбылось. Мы свидетели весны человечества.

Доброта невозможна без солидарности. Счастье должно быть обязательно разделено с другими: радоваться мож-

но только совместно с другими людьми; в одиночку быть счастливым нельзя. Угрюмый индивидуалист старых времен, который только и думает, что о своем страхе перед жизнью и о неповторимых особенностях собственной личности, — это одинокое животное, существующее вне человеческой общности, зоологический раппорт и пережиток...

Коммунистическая партия Советского Союза торжественно обещает, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме.

Завидовать молодежи нелепо. Желать вернуть собственную молодость бессмысленно и глупо. Мы, прожившие на Западе жизнь в мрачную эпоху, должны быть счастливы тем, что нам довелось увидеть зарю нового.

Ханс ШЕРФИГ
КОПЕНГАГЕН

се. О точном расчете, где никто не фантазирует о том, что будет через тысячу лет, а где изложены факты, касающиеся ближайшего будущего. Там расписаны десятилетия. Мои сверстники, люди уже не молодые, подписывают по пальцам: доживем ли? Весьма возможно. Чтобы увидеть все это, нам отсюда не придется, уподобившись Моисею, жить до 120 лет.

Призраком, который бродит по Европе сто лет назад, — призраком коммунизма, — оказался не просто призраком. Пророчество сбылось. Мы свидетели весны человечества.

Доброта невозможна без солидарности. Счастье должно быть обязательно разделено с другими: радоваться мож-

но только совместно с другими людьми; в одиночку быть счастливым нельзя. Угрюмый индивидуалист старых времен, который только и думает, что о своем страхе перед жизнью и о неповторимых особенностях собственной личности, — это одинокое животное, существующее вне человеческой общности, зоологический раппорт и пережиток...

но только совместно с другими людьми; в одиночку быть счастливым нельзя. Угрюмый индивидуалист старых времен, который только и думает, что о своем страхе перед жизнью и о неповторимых особенностях собственной личности, — это одинокое животное, существующее вне человеческой общности, зоологический раппорт и пережиток...

Коммунистическая партия Советского Союза торжественно обещает, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме.

Завидовать молодежи нелепо. Желать вернуть собственную молодость бессмысленно и глупо. Мы, прожившие на Западе жизнь в мрачную эпоху, должны быть счастливы тем, что нам довелось увидеть зарю нового.

Ханс ШЕРФИГ
КОПЕНГАГЕН

се. О точном расчете, где никто не фантазирует о том, что будет через тысячу лет, а где изложены факты, касающиеся ближайшего будущего. Там расписаны десятилетия. Мои сверстники, люди уже не молодые, подписывают по пальцам: доживем ли? Весьма возможно. Чтобы увидеть все это, нам отсюда не придется, уподобившись Моисею, жить до 120 лет.

Призраком, который бродит по Европе сто лет назад, — призраком коммунизма, — оказался не просто призраком. Пророчество сбылось. Мы свидетели весны человечества.

Доброта невозможна без солидарности. Счастье должно быть обязательно разделено с другими: радоваться мож-

но только совместно с другими людьми; в одиночку быть счастливым нельзя. Угрюмый индивидуалист старых времен, который только и думает, что о своем страхе перед жизнью и о неповторимых особенностях собственной личности, — это одинокое животное, существующее вне человеческой общности, зоологический раппорт и пережиток...

Коммунистическая партия Советского Союза торжественно обещает, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме.

Завидовать молодежи нелепо. Желать вернуть собственную молодость бессмысленно и глупо. Мы, прожившие на Западе жизнь в мрачную эпоху, должны быть счастливы тем, что нам довелось увидеть зарю нового.

Ханс ШЕРФИГ
КОПЕНГАГЕН

се. О точном расчете, где никто не фантазирует о том, что будет через тысячу лет, а где изложены факты, касающиеся ближайшего будущего. Там расписаны десятилетия. Мои сверстники, люди уже не молодые, подписывают по пальцам: доживем ли? Весьма возможно. Чтобы увидеть все это, нам отсюда не придется, уподобившись Моисею, жить до 120 лет.

Призраком, который бродит по Европе сто лет назад, — призраком коммунизма, — оказался не просто призраком. Пророчество сбылось. Мы свидетели весны человечества.

Доброта невозможна без солидарности. Счастье должно быть обязательно разделено с другими: радоваться мож-

но только совместно с другими людьми; в одиночку быть счастливым нельзя. Угрюмый индивидуалист старых времен, который только и думает, что о своем страхе перед жизнью и о неповторимых особенностях собственной личности, — это одинокое животное, существующее вне человеческой общности, зоологический раппорт и пережиток...

Коммунистическая партия Советского Союза торжественно обещает, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме.

Завидовать молодежи нелепо. Желать вернуть собственную молодость бессмысленно и глупо. Мы, прожившие на Западе жизнь в мрачную эпоху, должны быть счастливы тем, что нам довелось увидеть зарю нового.

Ханс ШЕРФИГ
КОПЕНГАГЕН

се. О точном расчете, где никто не фантазирует о том, что будет через тысячу лет, а где изложены факты, касающиеся ближайшего будущего. Там расписаны десятилетия. Мои сверстники, люди уже не молодые, подписывают по пальцам: доживем ли? Весьма возможно. Чтобы увидеть все это, нам отсюда не придется, уподобившись Моисею, жить до 120 лет.

Призраком, который бродит по Европе сто лет назад, — призраком коммунизма, — оказался не просто призраком. Пророчество сбылось. Мы свидетели весны человечества.

Доброта невозможна без солидарности. Счастье должно быть обязательно разделено с другими: радоваться мож-

но только совместно с другими людьми; в одиночку быть счастливым нельзя. Угрюмый индивидуалист старых времен, который только и думает, что о своем страхе перед жизнью и о неповторимых особенностях собственной личности, — это одинокое животное, существующее вне человеческой общности, зоологический раппорт и пережиток...

Коммунистическая партия Советского Союза торжественно обещает, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме.

Завидовать молодежи нелепо. Желать вернуть собственную молодость бессмысленно и глупо. Мы, прожившие на Западе жизнь в мрачную эпоху, должны быть счастливы тем, что нам довелось увидеть зарю нового.

Ханс ШЕРФИГ
КОПЕНГАГЕН

се. О точном расчете, где никто не фантазирует о том, что будет через тысячу лет, а где изложены факты, касающиеся ближайшего будущего. Там расписаны десятилетия. Мои сверстники, люди уже не молодые, подписывают по пальцам: доживем ли? Весьма возможно. Чтобы увидеть все это, нам отсюда не придется, уподобившись Моисею, жить до 120 лет.

Призраком, который бродит по Европе сто лет назад, — призраком коммунизма, — оказался не просто призраком. Пророчество сбылось. Мы свидетели весны человечества.

Доброта невозможна без солидарности. Счастье должно быть обязательно разделено с другими: радоваться мож-

но только совместно с другими людьми; в одиночку быть счастливым нельзя. Угрюмый индивидуалист старых времен, который только и думает, что о своем страхе перед жизнью и о неповторимых особенностях собственной личности, — это одинокое животное, существующее вне человеческой общности, зоологический раппорт и пережиток...

Коммунистическая партия Советского Союза торжественно обещает, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме.

Завидовать молодежи нелепо. Желать вернуть собственную молодость бессмысленно и глупо. Мы, прожившие на Западе жизнь в мрачную эпоху, должны быть счастливы тем, что нам довелось увидеть зарю нового.

Ханс ШЕРФИГ
КОПЕНГАГЕН

но только совместно с другими людьми; в одиночку быть счастливым нельзя. Угрюмый индивидуалист старых времен, который только и думает, что о своем страхе перед жизнью и о неповторимых особенностях собственной личности, — это одинокое животное, существующее вне человеческой общности, зоологический раппорт и пережиток...

Коммунистическая партия Советского Союза торжественно обещает, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме.

Завидовать молодежи нелепо. Желать вернуть собственную молодость бессмысленно и глупо. Мы, прожившие на Западе жизнь в мрачную эпоху, должны быть счастливы тем, что нам довелось увидеть зарю нового.

Ханс ШЕРФИГ
КОПЕНГАГЕН

се. О точном расчете, где никто не фантазирует о том, что будет через тысячу лет, а где изложены факты, касающиеся ближайшего будущего. Там расписаны десятилетия. Мои сверстники, люди уже не молодые, подписывают по пальцам: доживем ли? Весьма возможно. Чтобы увидеть все это, нам отсюда не придется, уподобившись Моисею, жить до 120 лет.

Призраком, который бродит по Европе сто лет назад, — призраком коммунизма, — оказался не просто призраком. Пророчество сбылось. Мы свидетели весны человечества.

Доброта невозможна без солидарности. Счастье должно быть обязательно разделено с другими: радоваться мож-

но только совместно с другими людьми; в одиночку быть счастливым нельзя. Угрюмый индивидуалист старых времен, который только и думает, что о своем страхе перед жизнью и о неповторимых особенностях собственной личности, — это одинокое животное, существующее вне человеческой общности, зоологический раппорт и пережиток...

Коммунистическая партия Советского Союза торжественно обещает, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме.

Завидовать молодежи нелепо. Желать вернуть собственную молодость бессмысленно и глупо. Мы, прожившие на Западе жизнь в мрачную эпоху, должны быть счастливы тем, что нам довелось увидеть зарю нового.

Ханс ШЕРФИГ
КОПЕНГАГЕН

се. О точном расчете, где никто не фантазирует о том, что будет через тысячу лет, а где изложены факты, касающиеся ближайшего будущего. Там расписаны десятилетия. Мои сверстники, люди уже не молодые, подписывают по пальцам: доживем ли? Весьма возможно. Чтобы увидеть все это, нам отсюда не придется, уподобившись Моисею, жить до 120 лет.

Призраком, который бродит по Европе сто лет назад, — призраком коммунизма, — оказался не просто призраком. Пророчество сбылось. Мы свидетели весны человечества.

Доброта невозможна без солидарности. Счастье должно быть обязательно разделено с другими: радоваться мож-

но только совместно с другими людьми; в одиночку быть счастливым нельзя. Угрюмый индивидуалист старых времен, который только и думает, что о своем страхе перед жизнью и о неповторимых особенностях собственной личности, — это одинокое животное, существующее вне человеческой общности, зоологический раппорт и пережиток...

Коммунистическая партия Советского Союза торжественно обещает, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме.

Завидовать молодежи нелепо. Желать вернуть собственную молодость бессмысленно и глупо. Мы, прожившие на Западе жизнь в мрачную эпоху, должны быть счастливы тем, что нам довелось увидеть зарю нового.

Ханс ШЕРФИГ
КОПЕНГАГЕН

се. О точном расчете, где никто не фантазирует о том, что будет через тысячу лет, а где изложены факты, касающиеся ближайшего будущего. Там расписаны десятилетия. Мои сверстники, люди уже не молодые, подписывают по пальцам: доживем ли? Весьма возможно. Чтобы увидеть все это, нам отсюда не придется, уподобившись Моисею, жить до 120 лет.

Призраком, который бродит по Европе сто лет назад, — призраком коммунизма, — оказался не просто призраком. Пророчество сбылось. Мы свидетели весны человечества.

Доброта невозможна без солидарности. Счастье должно быть обязательно разделено с другими: радоваться мож-

но только совместно с другими людьми; в одиночку быть счастливым нельзя. Угрюмый индивидуалист старых времен, который только и думает, что о своем страхе перед жизнью и о неповторимых особенностях собственной личности, — это одинокое животное, существующее вне человеческой общности, зоологический раппорт и пережиток...

Коммунистическая партия Советского Союза торжественно обещает, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме